

В. Вересаев

Два конца

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В31

В31 **Вересаев В.В.**
Два конца / В. Вересаев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 98 с.

ISBN 978-5-4241-2881-3

Редкое творческое долголетие выпало на долю В. Вересаева. Его талант был на редкость многогранен, он твердо шел по выбранному литературному пути, не страшась ломать традиции и каноны.

Книга "Два конца" представляет собой дилогию: I. Конец Андрея Ивановича; II. Конец Александры Михайловны (Другое название "Честным путем"). Обе части издавались отдельно. Позднее переработаны Вересаевым в единое произведение.

ISBN 978-5-4241-2881-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В.В. Вересаев, 2021

Викентий Викентьевич
Вересаев
Два конца

I. КОНЕЦ АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА

I

Был вечер субботы. Переплетный подмастерье Андрей Иванович Колосов, в туфлях и без сюртука, сидел за столом и быстро шерфовал куски красного сафьяна. Его жена, Александра Михайловна, клеила на комод гильзы для переплетов. Андрей Иванович уж пять дней не ходил в мастерскую: у него отекли ноги, появилась одышка, и обычный кашель стал сильнее. Все эти дни он мрачно лежал в постели, пил дигиталис и придирался к Александре Михайловне. Сегодня отеки совершенно спали, и Андрей Иванович почувствовал себя настолько лучше, что принялся за работу, которую взял с собою из мастерской на дом.

Александра Михайловна с утра зорко следила за его настроением: ей нужно было иметь с ним один важный разговор, и она выжидала для этого благоприятного случая; все время она была очень предупредительна к Андрею Ивановичу, старалась предугадать его малейшее желание.

В комнату вошла шестилетняя Зина, дочь Колосовых, в накинutom на голову бальным материнном платке. Она передала матери полубутылку коньяку.

– Хозяин велел сказать, что в последний раз дает в долг, – шепотом сказала она, робко косясь на спину Андрея Ивановича.

Александра Михайловна мигнула ей, чтоб она молчала, и стала накрывать на стол. Достала остатки обеда, подала самовар и заварила чай.

– Ну, Андрюша, довольно работать! Иди ужинать.

Александра Михайловна подошла к Андрею Ивановичу и, поколебавшись, поцеловала его в голову: она не была уверена, в настолько ли хорошем расположении Андрей Иванович, чтобы позволить ей это.

Андрей Иванович терпеливо снес поцелуй и пересел к столу. Увидев коньяк, он просиял.

– Вот спасибо, Шурочка, что припасла, – с умилением произнес он. – Недурно коньячку теперь выпить.

Андрей Иванович опрокинул в рот рюмку, с наслаждением крикнул и взял кусок солонины.

– Э-эх! Ей-богу, как выпьешь рюмочку, то как будто душа в раю находится... Дай-ка хрену!

Они стали ужинать. Зина ела молча; когда Андрей Иванович обращался к ней с вопросом, она вспыхивала и спешила ответить, робко и растерянно глядя на отца: вчера Андрей Иванович жестоко высек Зину за то, что она до восьми часов вечера бегала по двору. Вчера всем досталось от Андрея Ивановича: жене он швырнул в лицо сапогом, квартирную хозяйку обругал; теперь он чувствовал себя виноватым и был особенно мягок и ласков.

– Что же это Ляхов не идет? – спросила Александра Михайловна. – Обещал сейчас же с полочки деньги занести, а до сих пор нет.

– Ну, где же сразу! Раньше в "Сербию" нужно зайти, выпить. Ему порядок известен.

Пришла от всенощной квартирная хозяйка. Соседка Колосовых, папиросница Елизавета Алексеевна, воротилась с фабрики. Сквозь тонкую дощатую стену

слышно было, как она переодевалась.

– Александра Михайловна, можно у вас кипятку раздобыться? – спросила она сквозь стену.

– Пожалуйста, Лизавета Алексеевна!

В комнату вошла невысокая девушка с очень бледным лицом и строгими, не улыбающимися глазами.

Андрей Иванович конфузливо поздоровался. Елизавета Алексеевна сурово пожала его руку и, отвернувшись, заговорила с Александрой Михайловной. Андрей Иванович чувствовал себя неловко: Елизавета Алексеевна была вчера дома, когда он бросил в Александру Михайловну сапогом.

– Вы бы, Лизавета Алексеевна, напились чаю с нами, – сказал он. – Что вам там одним пить.

– Спасибо. Мне еще к завтраму сочинение нужно писать.

– Ну, что сочинение! Напьетесь и сядете писать.

– Я вместе с чаем буду писать. – Елизавета Алексеевна налила в чайник кипятку. – Как ваше здоровье? – спросила она, не глядя на Андрея Ивановича.

– Слава богу, поправляюсь. Хочу в мастерскую идти. В понедельник – средине, во вторник, значит, и пойду. Пора, а то все лежу... Вот и жена всякое уважение теряет: сейчас в макушку меня поцеловала, как вам это нравится!

– Это я люблю тебя, – улыбнулась Александра Михайловна.

– А я остался недоволен. Что же это такое, если жена мужа в макушку целует? Это значит – жена выше мужа; ну, а это власть вполне неуместная, хе-хе!

Елизавета Алексеевна ушла, Андрей Иванович потянулся.

– Поработаю еще немножко, пока Ляхов придет. Ты не убирай самовара.

Он сел к столу, поточил нож о литографский камень и снова взялся за работу. Александра Михайловна подсела к столу с другой стороны и стала резать бумагу для гильз. Помолчав, она заговорила:

– К Корятовым в угол новая жиличка въехала. Жена конторщика. Конторщик под Новый год помер, она с тремя ребятами осталась. То-то бедность! Мебель, одежду – все заложили, ничего не осталось. Ходит на водочный завод бутылки полоскать, сорок копеек получает в день. Ребята рваные, голодные, сама отрепанная.

Александра Михайловна украдкой взглянула на Андрея Ивановича. Андрей Иванович недовольно сдвинул брови: по тону Александры Михайловны он сразу заметил, что у нее есть какая-то задняя мысль.

Она продолжала:

– Говорит мне: то-то дура я была! Замужем жила, ни о чем не думала. Ничего я не умею, ничему не учена... Как жить теперь? Хорошо бы кройке научиться, – на Вознесенском пятнадцать рублей берут за обучение, в три месяца обучают. С кройкой всегда деньги заработаешь. А где теперь учиться? О том только и думаешь, чтоб с голоду не помереть.

Андрей Иванович с усмешкою спросил:

– Тебе-то какая печаль? Все сплетни в домах знаешь, кто что делает. Настоящая гаванская чиновница! Видно, самой делать нечего.

– "Какая печаль"... Будет печаль, как самой придется бутылки полоскать, – сказала Александра Михайловна, понизив голос.

Андрей Иванович выдохнул воздух через ноздри и взглянул на Александру

Михайловну.

– Послушай, Саша, опять ты этот разговор заводишь? – угрожающе произнес он. – Я тебе уж раз сказал, чтоб ты не смела со мной об этом говорить. Я это запретил тебе, понимаешь ты это или нет?

– Андриюша, ну ты подумай же сам! Ты вот все хвораешь, – ведь неровен час, все может случиться. Куда я тогда денусь и что стану с ребенком делать?

– Ах, оставь ты, пожалуйста, свои глупости! Ты все хочешь доказать, что у меня чахотка. Никакой у меня чахотки нет, просто хроническое воспаление легких, мне сам доктор сказал. Вот придет лето, поживу в Лесном, и все пройдет.

– Так почему же мне все-таки не поучиться, пока есть время?

– Потому, что твое дело хозяйство. У тебя и так все не в порядке; посмотри, какой самовар грязный, посмотри, какая пыль везде. Словно в свином хлеве живем, как мужики! Ты лучше бы вот за этим смотрела!

Александра Михайловна замолчала. Андрей Иванович, сердито нахмурившись, продолжал шерфовать. Его огромная, всклокоченная голова с впальми щеками мерно двигалась взад и вперед, лезвие ножа быстро скользило по камню, ровно спуская края сафьяна.

– Тебе же бы от этого помощь была, – снова заговорила Александра Михайловна. – Ты вот все меньше зарабатываешь: раньше семьдесят – восемьдесят рублей получал, а нынче хорошо, как сорок придется в месяц, да и то, когда не хвораешь; а теперь и совсем пустяки приносишь; хозяин вон вперед уж и давать перестал, а мы и в лавочку на книжку задолжали, и за квартиру второй месяц не платим; погребщик сегодня сказал, что больше в долг не будет отпускать. А тогда бы все-таки помощь была тебе.

– Саша! Ради бога, оставь, ты говорить о том, чего не понимаешь, – сказал Андрей Иванович, стараясь сдержаться. – Я работаю с утра до вечера, содержу тебя, – могу же я иметь хоть то удовольствие, чтоб обо мне заботились! Я хочу, чтоб у меня дома был обед, чтоб мне давали с собой готовый фрыштик. А твои гроши никому не нужны, и я без тебя обойдусь. Ты прежде всего должна быть порядочной женщиной; а если женщина поступает в работу, то ей приходится забыть свой стыд и стать развратной, иначе она ничего не заработает. Ты этого не знаешь, а я довольно насмотрелся в мастерской на девушек и очень много понимаю.

– А вот Елизавета Алексеевна ведь тоже работает.

– Елизавета Алексеевна не тебе чета.

– Так позволь мне хоть в воскресную школу с нею ходить: я еле писать умею. Ум никогда не помешает.

– Тебе ум будет только мешать, – сердито сказал Андрей Иванович.

– Ум никогда никому не может мешать, – упрямо возразила Александра Михайловна.

– Саша, ну я, наконец... прошу! – грозно и выразительно произнес Андрей Иванович. – Замолчи, ради бога! Что-то ты уж и теперь больно умна стала.

Александра Михайловна заволновалась и быстро заговорила:

– А вон прошлое воскресенье ты весь день с каким-то оборванцем пропутался. По всему видно – жулик, ночлежник, а ты ему пальто отдал.

Андрей Иванович с презрением следил за логическими скачками Александры Михайловны.

– "Жулик"! Который человек беден, тот и называется жулик. А пальто мне не нужно, потому что у меня другое есть, новое.

– Можно было татарину продать; полтора рубля дал бы, а то и два. Нам деньги самим нужны.

– Ты все ценишь на деньги. Деньги – вздор, хлам! Ты говоришь о деньгах, а я говорю о человеке, о честности. Ты одно, а я другое. Он – бывший переплетчик, значит мой товарищ, а товарищу я всегда отдам последнее.

– Он все равно пропьет пальто.

– Это тебе неизвестно. Мы только с тобою – хорошие люди, а все остальные – жулики, дрянь!

– Ты вот все разным оборванцам отдаешь...

Андрей Иванович грозно крикнул:

– Да замолчишь ли ты, наконец?! Чучело!

– Работать ты мне не позволяешь, а сам о нас не заботишься. Смотри, – у ребенка совсем калоши продырявились, а погода мокрая, тает; шубенка вся в лохмотьях, как у нищей; стыдно на двор выпустить девочку.

Андрей Иванович положил нож, скрестил руки на груди и стал слушать Александру Михайловну.

– Тогда бы ты уж должен больше о нас заботиться... На черный день у нас ничего нету. Вон, когда ты у Гебгарда разбил хозяйской кошке голову, сколько ты? – всего два месяца пробыл без работы, и то чуть мы с голоду не перемерли. Заболеешь ты, помрешь, – что мы станем делать? Мне что, мне-то все равно, а за что Зине пропадать? Ты только о своем удовольствии думаешь, а до нас тебе дела нет. Товарищу ты последний двугривенный отдашь, а мы хоть по миру иди; тебе все равно!

Александра Михайловна вдруг оборвала себя. Андрей Иванович смотрел тяжелым, неподвижным взглядом, в его зрачках горело то дикое бешенство, перед которым Александра Михайловна всегда испытывала прямо суеверный ужас.

– Я тебе говорю, чтобы ты мне никогда не смела говорить того, что ты мне сейчас сказала, – сдавленным голосом произнес Андрей Иванович. – Я это запрещаю тебе!!! – вдруг рявкнул он и бешено ударил кулаком по столу. – Погань ты этакая! От чьих трудов ты такая гладкая и румяная стала? Я для вас надрываюсь над работою, а ты решаешься сказать, что я о вас не думаю, что мне все равно?

Александра Михайловна была бледна. В ее красивых глазах мелькнуло что-то тупое, упрямое и злобное.

– А зачем же ты тогда...

– Молчать!!! – гаркнул Андрей Иванович и вскочил на ноги. Он быстро оглядел стол, ища, чем бы запустить в Александру Михайловну.

В дверь раздался стук. Елизавета Алексеевна приотворила дверь.

– Александра Михайловна, можно у вас еще кипятку взять?

– Пожалуйста, Лизавета Алексеевна, – обычным голосом ответила Александра Михайловна.

Андрей Иванович загородил собою дверь.

– Кипятку нет, самовар остыл.

Елизавета Алексеевна вспыхнула.

– Простите! – И она закрыла дверь.

Андрей Иванович, стиснув зубы, молча заходил по комнате.

– Что у тебя до сих пор Зина не уложена? – грубо сказал он. – Уже одиннадцатый час. Убери самовар. Ляхов не придет.

Андрей Иванович сел к столу и налил себе коньяку. Выпил рюмку, потом другую. Александра Михайловна видела, что он делает это назло ей, так как она уговаривала его не пить много. Если он теперь напьется, ей несдобровать.

Она молча уложила Зину, убрала самовар. Потом тихо, стараясь не шуметь, разделась и легла на двухспальную кровать, лицом к стене.

Андрей Иванович сидел у стола, положив кудлатую голову на руку и устремив блестящие глаза в окно. Он был поражен настойчивостью Александры Михайловны: раньше она никогда не посмела бы спорить с ним так упорно; она пытается уйти из-под его власти, и он знает, чье тут влияние; но это ей не удастся, и он сумеет удержать Александру Михайловну в повиновении. Однако, чтоб не давать ей вперед почвы для попреков, Андрей Иванович решил, что с этого дня постарается как можно меньше тратить на самого себя.

Небольшая лампа с надтреснутым колпаком слабо освещала коричневую ситцевую занавеску с выцветшими разводами; на полу валялись шагреновые и сафьянные обрезки. В квартире все спали, только в комнате Елизаветы Алексеевны горел свет и слышался шелест бумаги. Андрей Иванович разделся и лег, но заснуть долго не мог. Он кашлял долгим, надрывающим кашлем, и ему казалось, что с этим кашлем вывернутся все его внутренности.

II

Ляхов явился на следующий день после обеда.

Андрей Иванович лежал на кровати злой и молчаливый: Александра Михайловна подала к обеду только три ломтика вчерашней солонины; когда Андрей Иванович спросил еще чего-нибудь, она вызывающе ответила, что больше ничего нет, так как нигде не верят в долг; это была чистейшая выдумка – при желании всегда можно было достать. Андрей Иванович ничего не сказал, но запомнил себе дерзость Александры Михайловны.

Ляхов пришел немного навеселе. Это был стройный и сильный парень, с мускулистым затылком и беспечным, удалым взглядом. Нос его был залеплен поперек кусочком пластыря.

– Василий Васильевич, что это? Где вы себе нос ушибли? – встретила его Александра Михайловна, скрывая улыбку.

Ляхов поздоровался и потрогал указательным пальцем пластырь.

– Это у меня вчера на Тучковом мосту с одной барышней недоразумение вышло. – Он поднял брови и почесал затылок.

Оживившийся Андрей Иванович спустил ноги и сел на кровати.

– Недоразумение!.. – засмеялся он.

– Действием! Недоразумение действием, – пояснил Ляхов. – Увязался за нею, стал ей комплименты говорить... А она...

– Ай-ай-ай! – Александра Михайловна смеялась и качала головою. – Походите, вот увижу Катерину Андреевну, я ей расскажу, что вы вчера на Тучковом мосту делали.

Катерина Андреевна, работница картонажной мастерской, была сожительница Ляхова.

– Ну что, как здоровье твое? – обратился Ляхов к Андрею Ивановичу, став серьезным.

– Поправляюсь понемножку. После сретенья выйду на работу. Что в мастерской у нас хорошенького?

Ляхов неохотно ответил:

– Что хорошенького! Все то же!.. Деньги принес тебе.

Он достал из кошелька четыре рубля пятьдесят копеек и подал Андрею Ивановичу.

– Ни копейки вперед не дает хозяин. Мы уж с Ермолаевым поругались с ним за тебя... Уперся: нет! Такой жох.

Андрей Иванович пересчитал деньги и сумрачно сунул их в карман жилетки. Ляхов быстро спросил:

– Тебе, Андрей, денег не нужно ли? У меня есть.

– Ну, вот еще! Нет, мне не нужно, – поспешно и беззаботно ответил Андрей Иванович. – Что ж, в "Сербию", что ли, пойдём?

Он отозвал Александру Михайловну в кухню, отдал ей четыре рубля, а себе оставил пятьдесят копеек.

– Андрюша, ты бы лучше не ходил, – просительно сказала Александра Михайловна. – Ведь тебе нельзя пить, доктор запретил!

– Это ты меня, что ли, учить будешь, как я обязан поступать? – злобно ответил Андрей Иванович и воротился к Ляхову.

В "Сербии", по случаю праздника, былолюдно и шумно. Половые шныряли среди столов, из "чистого" отделения неслись звуки органа, гремевшего марш торедоров из "Кармен", ярко освещенный буфет глядел уютно и приветливо.

У Андрея Ивановича сразу стало весело на душе. Целую неделю он провел дома, в опротивевшей обстановке, в мелких и злобных дрязгах с Александрой Михайловной. Теперь от шумной веселой толпы, от всей любимой, привычной атмосферы "Сербии" на него пахнуло волею и простором.

Андрей Иванович и Ляхов прошли в заднюю комнату, где всегда можно было встретить знакомых. Они сели к столику около камина, украшенного большим тусклым зеркалом в позолоченной раме, и заказали полдюжины портеру.

Ляхов рассказывал о своем вчерашнем романе на Тучковом мосту. Подошел знакомый артельщик, Иван Иванович Арсентьев, солидный человек с цыганским лицом и с зонтиком; Андрей Иванович усадил его к своему столу.

– Да мне собственно уж идти пора, – возражал Арсентьев.

– Ну, ну, пустяки какие! Выпьте стаканчик портеру и пойдете. За ваше здоровье!

Они чокнулись втроем и выпили. Андрей Иванович сейчас же снова налил стаканы.

– Что это, никак у тебя новая палка? – обратился он к Ляхову. – С обновочкой! Покажи-ка!

– Палочка, брат... сенаторская! – с гордостью ответил Ляхов. Он поднял палку, с силою махнул ею в воздухе. Палка была крепкая и гладкая, с массивной головкой, вся из черного дерева.

Андрею Ивановичу она очень понравилась; он любил хорошие вещи.

– Хороша палочка! Дай, поправлюсь немножко, обязательно заведу такую... А-а, Муравейчик, здравствуй! – вдруг рассмеялся Андрей Иванович. – Куда бе-

жишь? Садись с нами, выпьем, – расходы пополам!

"Муравейчик" – молодой переплетный подмастерье Картавцов – торопливо проходил через комнату, держа под мышкой две бутылки пива.

– Не могу, Андрей Иванович, гости дома, – ответил он поспешно.

Андрей Иванович, смеясь, оглядывал приземистую фигуру Картавцова с выгнутыми ногами и круглой стриженной головой на короткой шее.

– Ну, ну, какие там гости, все ты врешь! "Гости"!.. Кто же для гостей две бутылки ставит?.. Придет он домой, – обратился Андрей Иванович к Арсеньеву, – запрутса вдвоем с женою и выпьют пиво, вот им и праздник!

– Ей-богу, Андрей Иванович, тетка из Твери приехала, – скороговоркой произнес Картавцов и поспешил к выходу, переваливаясь на ходу и шевеля лопатками.

Ляхов вдогонку крикнул:

– Ты бы для тетки-то на третью бутылку раскошелился!

– Ей-богу, чудачок! – засмеялся Андрей Иванович, обратившись к Арсеньеву. – Я его Муравейчиком называю. Никогда ни копейки не поставит на угощение! Работает, работает, суетится, – в субботу всю получку домой несет. Жена у него такая же – коротенькая, крепкая, тоже у нас работает в мастерской... Принесут домой деньги – считают, рассчитывают: это вот на керосин, это на сахар, это в сберегательную кассу... Настоящие немцы! Кто заболит из товарищей или померет, – подойдешь к нему с подписным листом... "Я... я потом!" – и убежит; а потом в самом конце листа мелко-мелко напишет: "Григорий Картавцов – десять копеек"... Вот Васька, он у нас молодчина! – сказал Андрей Иванович и хлопнул Ляхова по коленке. – Ни над чем для товарища не задумается... Будь здоров, Васька! За товарищество!

Они выпили уже по четыре стакана. У Андрея Ивановича слегка затуманилось в голове и на душе стало тепло. Он с довольной улыбкой оглядывал посетителей, и все казались ему приятными и симпатичными.

В дверях показался невысокий, худощавый человек с испитым, развязным лицом и рыжеватыми, торчащими усами; картуз у него был на затылке, пальто внакидку; под мышкой он держал цитру в холщовом мешке. Вошедший остановился на пороге и, пошвытывая сквозь зубы, оглядел комнату.

– Сенька! – окликнул его Андрей Иванович. – Иди скорее к нам! Вот нам кого не хватало! Иди, садись!.. Это, господа, Захаров, бывший переплетчик. Он нам такую музыку изобразит на цитре! И сыграет, и споет – все вместе... Голубчик, как я рад! Садись! – повторял Андрей Иванович и тряс руку Захарова.

Захаров положил мешок под стул, сел и уперся руками в колени. Ляхов востропнулся и щелкнул пальцами.

– Эге! На цитре играете? Тащите цитру!

– Да неохота чтой-то играть, – ответил Захаров и предупредительно принял из рук Андрея Ивановича стакан портера.

– Ну, неохота! Всячески ты же нам должен сыграть... Пей, пей раньше!

Андрей Иванович ужасно обрадовался Захарову: это был тот самый "оборванец", которому Андрей Иванович подарил пальто и который, по уверению Александры Михайловны, обязательно должен был его пропить; между тем пальто было на нем.

– Чего там – "неохота"!.. Валяй!..

Ляхов вытаращил глаза и, размахивая рукою, запел басом:

Давно готова лодка,

Давно я жду тебя...

Захаров отнекивался. Только после долгих упрасиваний он вынул цитру и, разложив на столе, стал настраивать. Арсентьев, солидно опершись на зонтик, брезгливо оглядывал его отрепанный пиджачишко и дырявые штиблеты.

Захаров взял несколько аккордов, тряхнул волосами, закинул голову и запел тонким, очень громким фальцетом:

Смотря на луч пурпурного заката,

Стояли мы на берегу Невы...

Взгляды присутствующих обратились на него. Захаров пел с чувствительным дрожанием и медленно поводил закинутою головою. Подошел отставной чиновник, худой, с жидкой бородкою и красными, мягко смотрящими глазами. Он умиленно сказал:

– Как ты, милый мой, славно играешь! Ну-ка, вот тебе на струны!

Чиновник протянул пятиалтынный. Захаров кивнул головою, сунул монету в жилетный карман и залился еще слаще:

До гроба вы клялись любить поэта...

Страшась людей, боясь людской молвы,

Вы не исполнили священного обета,

Свою любовь, – и ту забыли вы...

Чиновник слушал и оглядывал окружающих влажными, умиленными глазами.

– Самодельный инструмент-то! – обратился он к Андрею Ивановичу.

Андрей Иванович с гордостью ответил:

– Он у нас на все руки мастер... Садитесь, пожалуйста, к нам, – что же вам стоять!

Чиновник переставил на их стол бутылку с пивом и сел.

– А ну-ка, милый мой, сыграй "Выйду ль я на реченьку" – национальную!.. Знаешь? – сказал он Захарову.

– Извините, этой не знаю. "По улице мостовой" могу.

Захаров выпил стакан портеру, рванул струны – они занули, зазвенели, и задорно-веселая песня полилась. Чиновник раскачивал в такт головою, моргал и с блаженной улыбкою оглядывал слушателей. Ляхов поднялся с места и, подперев бока, притоптывал ногами.

Подошла пожилая женщина в длинной, поношенной тальме и в платочке.

– Какая у вас прелестная музыка! Вы мне позволите послушать?

У нее было круглое и довольно еще миловидное лицо, но у углов глаз было много морщинок. Она держалась жеманно и разыгрывала даму. Это была фальцовщица из той же мастерской, где работали Андрей Иванович и Ляхов.

Красавица ты моя,

Есть словечко до тебя! – пропел Ляхов и схватил ее сзади за талию. Он сел к столу и посадил фальцовщицу к себе на колени.

– Тебя Авдотьей Ивановной, что ли, звать? Ну-ка, Авдотья Ивановна, опрокинем по бокальчику!

Авдотья Ивановна, жеманясь, возразила:

– Ах, нет, я не для этого! Я только к тому, что какая у вас прекрасная музыка.